

ПУСТЫЕ ПОЕЗДА, СТРАННЫЕ СОСЕДИ И ЛОЖНЫЕ УЗНАВАНИЯ: ОБЗОР КНИЖНЫХ НОВИНОК ОКТЯБРЯ

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

ДМИТРИЙ ДАНИЛОВ, «ПУСТЫЕ ПОЕЗДА» («РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Эссеистика Дмитрия Данилова — это квинтэссенция Дмитрия Данилова. Дистиллированный Данилов as is. Внутренний мир его героя и окружающая его объективная (объективная ли?) реальность находятся в состоянии предельной проницаемости границ, и в результате рождается странный эффект: чем ненадежней рассказчик, тем выше степень доверия к рассказываемому. В недавнем мировом бестселлере «Быть собой» Анил Сет утверждает, что мир вокруг — не более чем галлюцинация, и «Пустые поезда» находятся в той же парадигме: «все в мире относительно, все проносится мимо всего». Метафора жизни как поезда, прямо скажем, не нова, но у Данилова это не прямой перенос, это не одно путешествие из точки А в точку Б, это целая серия поездок — с целью и бесцельных, на скорых поездах и пригородных электричках, с едва намеченным общим контуром поездки и полным отсутствием изначальных ожиданий и предустановок. Романы Данилова славятся своей пустотностью: в них всегда гораздо важнее то, что в них остается неопишанным, непроговоренным, нежели непосредственно описанное и выплеснутое в текст. Герой его эссе предельно сближен с автором, он одновременно и автор (тот, кто совершает одно путешествие за другим), и пассивный наблюдатель. Создавая словесные слепки с реальности, он по сути берет на себя функцию фотографа (а фотофиксация, по мысли Сьюзан Сонга, всегда позиция невмешательства). Попытки рефлексии и обобщений здесь нарочито неловки и порой даже беспомощны, но их столкновение в тексте с хроникой путешествий дает неожиданный эффект: не названия эмоций, а вызывания их. Трогательная, нежная, светлая и печальная проза.

«Напротив, через проход, сидела женщина и громко разговаривала по телефону. Она говорила о чем-то бытовом, труднозапоминаемом и нераз-

лично, из ее рта раздавались фразы типа: “а он когда поедет”, “а она когда будет”, “ну он же не был”, “а она была”, “а когда же он туда собирается”, “а она что, не поедет”, “а ты останешься или нет” – все вот в таком примерно духе. И она говорила очень долго, и стало накапливаться раздражение, ну сколько можно толочь в ступе эти бесконечные “поехала”, “поедет”, “останешься” и “не останешься”. Наконец, женщина перестала разговаривать, стало тихо, за окном стало совсем темно, и стало так хорошо, как редко когда бывает, но сказать об этом совершенно нечего».

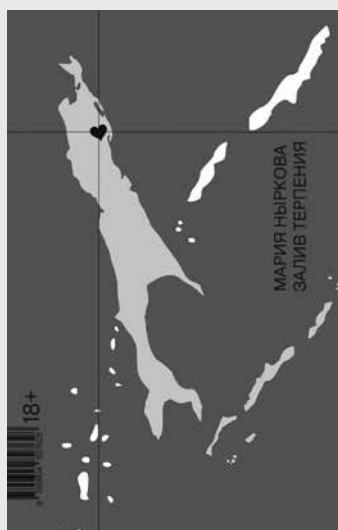
МАРИЯ НЫРКОВА, «ЗАЛИВ ТЕРПЕНИЯ» («ЕСТЬ СМЫСЛ» И POLYANDRIA NO AGE)

Роман, продолжающий серию двух издательств, в которой писатели-миллениалы делают попытки осмыслить актуальный для них опыт. Героиня Марии Нырковой едет по бюрократическим делам на Сахалин (тут неизбежно вспоминаются не только Чехов с «Островом Сахалином» и одноименный Веркин, но и «Лучшие люди города» недавней победительницы «Лицея» Натерины Ножевиной), откуда много лет назад уехала ее семья. Возвращение к корням осуществляется и лонусом (героиня улетает из дома, который домом не считает, но летит в неизвестность), и обретением бабушкиного дневника, из которого она узнает историю собственной семьи на фоне большой истории. «Залив терпения» раздвигает границы автофикшена: линия главной героини очевидно автофикциональна, однако в романном целом историческая часть оказывается едва ли не более важной. Сахалин — край географии, место ссыльных и неблагонадежных, и найденный дневник позволяет взглянуть на остров через фем-оптику: это история жен и матерей, лишенных свободы, выбора и зачастую будущего. Роман Нырковой — о равнодушной и безжалостной, но единственно возможной родине, с которой подружиться не получится, но и связи разорвать тоже, о бездомности и неприютности человека на земле и о попытках привязать себя к ней любимыми способами — семейными воспоминаниями, географией, любовью, да мало ли чем еще.

«завод был первым этапом ее детства, о котором она могла рассказать все остальные вопросы пересекались. кем были ее родители, как их звали, откуда приехали – неизвестно. я думаю, что-то происходило, что-то тяжелое и неприятное, а может быть, и жуткое, а может быть, и настоящий апокалипсис в реке одной семьи, но нам уже не узнать этого. как многого нам уже не узнать. я спрашиваю бабушку, почему Нина не говорила о прошлом своей семьи, но та отмахивается. тогда, отвечает, было нельзя».

АНТонио Задра, Роберт Стинголд, «КОГДА МОЗГ СПИТ: СНОВИДЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАУНИ» («АЛЬПИНА НОН-ФИНШН»)

Само словосочетание «наука о сновидениях» представляет собой определенный парадокс. Наука базируется на чем-то конкретном, измеримом, системном. Сновидения же субъективны, недолговечны и неповторимы. Тем не менее ученые Антонио Задра и Роберт Стинголд, несколько десятилетий посвятившие исследованию сновидений, пытаются развенчать укоренившийся миф о том, что сны — это бессмысленные отражения случайных нейронных связей, образующихся в мозге. Авторы полагают, что это очень важное с психологической и неврологической точек зрения

переживание. Цель этого исследования — ответить на четыре главных вопроса: что такое сновидения, откуда они берутся, что означают и для чего нужны. Науке давно известно, зачем мы едим или пьем, но потребность в сне начала объясняться относительно недавно. И объяснение это тоже парадоксально: сон необходим нам как средство от сонливости. То есть это единственное средство борьбы с усталостью такого рода, позволяющее вернуть нужную концентрацию и отрегулировать когнитивные функции. Однако дело не только в этом. Человеческий мозг должен видеть сны, чтобы осуществлять критически важные процессы, связанные с происходящей во сне обработкой воспоминаний. Авторы подробно останавливаются на механизмах сна, пытаются вывести определенный алгоритм его формирования, а также объясняют причудливость и нелогичность сновидений.

«Модель NEXTUP предполагает, что сновидение — это уникальная форма обработки воспоминаний во сне, в результате которой извлекаются новые знания из существующих воспоминаний через выявление и укрепление ранее неизвестных слабых ассоциаций. Как правило, мозг начинает с какого-то нового воспоминания, сохраненного в предшествующий день, — это может быть важное событие, подслушанный на работе разговор или что-то имеющее отношение к личным проблемам — и ищет другие, слабо связанные с этими событиями воспоминания. Это могут быть воспоминания того же дня или более давние воспоминания из прошлого. Затем мозг объединяет воспоминания в некое повествование, разворачивающееся во время сна, анализируя при этом ассоциации, которые обычно не стал бы рассматривать в состоянии бодрствования».*

* Network exploration to understand possibilities.

НАТАЛЬЯ ИЛИШКИНА, «УЛАН ДАЛАЙ. СТЕПНАЯ САГА» («РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Любители больших семейных саг на фоне событий XX века дождались — роман о донских калмыках «Улан Далай» создан специально для них. Название переводится дословно как «красный океан», и это не только символ советского прошлого, с которым столкнулись верные «Белому царю» герои (коллективизация, голод, война, ссылка), но и ад в калмыцкой мифологии. Наталья Илишкина рассказывает историю трех поколений семьи Чолункиных, и эта маленькая история как микромир заключена по принципу матрешки в историю большую. Два родных брата в Гражданскую войну оказываются по разные стороны: один воюет за белых, другой за красных. На глазах одного из них от руки боевого товарища гибнет мать. И это — только завязка масштабного текста со странным, но убедительным колоритом. Как и положено семейной саге, «Улан Далай» — о силе духа под безжалостным напором времени и обстоятельств, о важности семьи и памяти, о невозможности осмыслить большую историю, находясь в ее водовороте, — и потому прозрение порой приходит слишком поздно. И снова о том, что на ошибках прошлого никто и никогда не учится, как бы нас ни предупреждали.

«Пока ехали вдоль Волги — умерших складывали в первом вагоне. После Сызрани Баатр отошел подальше от всех на санитарной остановке — срамота же рядом с женщинами в снег садиться “след смотреть”. Конвойные дверь в первом вагоне распахнули, а оттуда полуголые окоченевшие тела выпадают стали, прямо им на голову. Мат-перемат — солдаты совсем не боятся, что накликают беду на себя и своих близких. Запили умерших кое-как обратно, а сверху еще положили.

А когда проехали Златоуст, в сумерках выгрузили трупы из вагона под насыпь. Не успели отъехать, а рядом уже вой раздался — вожак скликал стаю. Впервые за неделю Баатру захотелось, чтобы дверь вагона скорее заперли. Гора тел огромным муравейником висела среди сугробов. А кругом огромные мохнатые деревья — тайга называется. Баатр столько деревьев никогда не видел. Хорошо, что стемнело быстро».

АНТОН СЕНИСОВ, «НОМНАТА ВАГИНОВА» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Роман, изначально прозвучавший как аудиосериал на Bookmate, теперь вышел книгой. И по законам сериала каждая глава здесь работает как отдельный эпизод с клиффхэнгером в конце, поэтому дочитать до конца главы и остановиться довольно трудно. Юный филолог Сеня снял комнату в коммуналке, чтобы писать книгу о Константине Вагинове: прозаике и поэте, принадлежавшем к кругу Михаила Бахтина и ОБЭРИУ. Комнату в той коммуналке, где когда-то жил Вагинов, но, к сожалению, не ту самую. Но он не оставляет надежд: нужно просто подружиться с соседями и договориться с хозяйной, и тогда погружение в мир исследуемого писателя будет полным. Но «подружиться» и «договориться» — это не совсем про Сеню. Да и соседи, как водится в петербургских коммуналках, довольно странные: вечно пьяный (пьяный ли?) поэт, подозреваемый в шпионаже Гаэтано, повернутый на мифологии качок, блогер-енот и связанная девушка Нина, удерживаемая в плену (где она успела прочитать изрядное количество «Литературных памятников»). Что с ней произошло, предстоит разобраться и Сене, и читателю. Вопрос нвар-

тирной хозяйни, адресованный Сене: «А вы знали, что человек видит сны круглосуточно, даже когда не спит?» — наиболее точно описывает происходящее и в нехорошей квартире, и в хорошем романе Секисова. Петербургский миф, ирония и самоирония, персональный ад и иллюзорность реальности — всего этого в «Комнате Вагинова» с избытком. Получился не то триллер, не то черная комедия, не то фантазмагория: в общем, чистый реализм.

«Сеня вдруг понимает, что ему очень хочется есть. Жильцы жуют и грохко глотают вареную говядину, которую достают из кастрюли. На столе только мясо — грубо нарубленные куски — и две солонки, с солью и перцем, никаких тарелок, гарнира, хлеба и зелени. В этой трапезе есть что-то средневековое — торопливое поедание дикого кабана, убитого накануне. Крестьяне в землянке под светом свечи. Никто не предлагает Сене присоединиться, и, вздохнув, он идет к холодильнику и достает кукурузу в вакуумной упаковке — его диетический ужин. Холодильников на кухне два, как и плит. Из стены торчит провод неясного назначения, бледно-белый, как кость при открытом переломе. Засмотревшись на провод, Сеня выронил кукурузу из рук, и она закатилась за холодильник.»

Обладатель певучего имени Газтано расхохотался. «Вот он, момент истины», — думает Сеня. Прямо сейчас соседи формируют мнение о новом жильце — от этих секунд зависит Сенино будущее в этой квартире.»

ПАВЕЛ КРУСАНОВ, «ИГРЫ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ» («АЗБУНА»)

Крусанов дает своей книге странное жанровое определение: роман-четни. Отложим в сторону мысль о том, что это лишь маркетинговый ход для привлечения внимания (ному и что когда продавали

мелкие буквы на авантитуле?), и попробуем разобраться в том, что же это такое. По сути перед нами роман в новеллах, просто «четки», во-первых, звучат поэтичней, а во-вторых, позволяют уйти от шлейфа старых пиар-технологий, когда не продающиеся сборники рассказов в начале двухтысячных пытались реализовать в романной упановке. И так, в «Играх на свежем воздухе» пятнадцать историй разных персонажей, которые объединены общей темой — традиционной для классической русской литературы темой охоты. Все они охотятся на Псковщине в окрестностях Новоржева. А потому топос здесь больше чем топос — это особое мифологизируемое пространство, которое то и дело норовит стать главным героем повествования. Формально же главные герои другие — те самые охотники Петр Алексеевич и Пал Палыч, рассуждающие о том, что для мужчины главное «волюшна и справедливость», не чета бабским любовным делам. Создаваемый Нрусановым мир в этой книге вполне традиционен для автора: наша объективная реальность пронизана магией слов, мыслей, литературы. Наждый герой, отправляясь на охоту, углубляется не столько в лес, сколько в себя самого, срывая привычно-заскорузлые слои с души и исследуя открывающиеся там бездны.

«Октябрь уже перевалил венец, но лес еще не оголился донага — желтый, багряный и зелено-бурый лист до сих пор держался на ветках берез, ив и осин, хотя изрядно поредел, сбитый осенними ветрами. Несколько хороших ливней могли бы скоро довершить дело, но осень стояла сухая, ясная, лишь изредка небо кропило землю ситным дождиком. Мир оставался по-прежнему цветным, прохладно увядающим, будто забытая зелень на полке холодильника, и, как озноб на коже, слегка зернистым.

Вчера, когда при разговоре с Пал Палычем о грядущей поездке Петр Алексеевич предложил взять с собой водку, чтобы вместе отметить охоту или просто в знак признательности одарить Николая доброй выпивкой, Пал Палыч сказал: “Ня надо”, — пояснив, что Николай, увы, не воздержан».

МАРИ ВЕНТРАС, «МЕТЕЛЬ» (POLYANDRIA NO AGE)

Книга начинается с воплощенного кошмара: ты отпускаешь руку ребенка, и он исчезает. Бесс выпустила руку десятилетнего мальчика на Аляске, и он пропал в страшной снежной буре. Троим не знакомым между собой взрослым людям предстоит отправиться на его поиски. Текст, начинающийся с настолько эмоционально заряженной сцены, довольно трудно удержать на одном уровне, не снижая градус читательской вовлеченности. Мари Вентрас это удалось: несколько повествователей, техника коротких (порой слишком коротких) глав, несколько историй, сплошные лануны и недоговоренность: все это рождает желание как можно скорее разобраться в том, что вообще происходит в этой повести. Фантастическая скорость повествования, призрак прошлого, не отпускающие героев в настоящем, цена любви и расплата за причинение боли: пона метель заносит все вокруг, демоны вылезают наружу и рассказывают страшные истории. Книга, читающаяся на одном дыхании: Вентрас умеет управлять читательскими эмоциями и особенно не заботится о нашем комфорте. Будет больно, страшно и грустно, но возможно, вы как раз этого и хотели?

«Я его потеряла. Разжала руку, выпустила его ладонь, чтобы завязать шнурки, и он исчез. Я чувствовала, что ботинок болтается, вот-вот

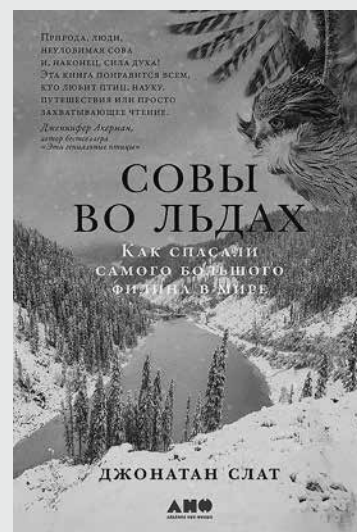
споткнусь, а сейчас падать нельзя. Чертов шнурок. Могу поклясться, перед выходом точно завязала его двойным узлом. Был бы тут Бенедикт, сказал бы, что я несобранная, неаккуратная, и снова заладил бы про то, что я не довожу ничего до конца, а все надо делать четко и правильно – как он. Послушать его, так на все есть один возможный и правильный способ. Смешно. Способов столько, сколько людей на земле, но ему, наверно, спокойней думать, что он точно знает, как надо. Неважно, на сколько я отпустила его руку? На минуту? Может, на две? Когда я разогнулась, его уже не было. Я пыталась найти его на ощупь, дотянуться, звала по имени, кричала изо всех сил, но в ответ раздавался лишь вой ветра. Снег сразу набился в рот, закружилась голова. Я его потеряла, и теперь мне нет дороги назад».

ДЖОНАТАН СЛАТ, «СОВЫ ВО ЛЬДАХ.
КАК СПАСАЛИ САМОГО БОЛЬШОГО ФИЛИНА В МИРЕ»
(«АЛЬПИНА НОН-ФИНШН»)

Начинающий американский орнитолог Джонатан Слат приехал на Дальний Восток, чтобы изучить одного из самых крупных пернатых в мире — рыбного филина — и разработать программу по спасению вымирающего вида. Это рассказ о редной птице, ее повадках и образе жизни: какое-то время ученые вообще считали, что этот вид уже вымер, но размытые зернистые фотографии Слата доказали, что гиганта рано хоронить. Потребности рыбного филина и человека в Приморье неразрывно связаны, они зависят от одних и тех же ресурсов. Растущие потребности человека оказываются в несомненном приоритете перед потребностями пернатого хищника. Ученый подробно описывает свои поездки по Дальнему Востоку, экспедиции и вылазки, разговоры с чиновниками и местными жителями — но это все лишь антураж, нанва, на которую ложится сюжет о подлинном герое этой книги. «Совы во льдах» — абсолютно документальная история спасения огромной птицы, мощной, ловной и опасной в дикой природе, но оказывающейся бессильной перед более страшным хищником — человеком. Перед нами подробный очерк (а местами прантически репортаж) о поездке, которая имела огромное значение для исследователя. И этим энтузиазмом невозможно не заразиться.

«О существовании рыбных филинов я знал с тех самых пор, как познакомился с Приморьем. Для меня эти птицы были чем-то вроде прекрасной идеи, которую сложно передать словами. Меня влекла к ним та же неопостижимая сила, какая владела мной, когда я мечтал оказаться в каком-нибудь далеком таинственном месте, хотя ничего о нем толком не знал. Я размышлял о рыбных филинах и чувствовал прохладу таежных лесов и запах мха, которым поросли прибрежные камни.

После того как мы спугнули филина, я перелистал потрепанные страницы полевого справочника, но безрезультатно — таких птиц там не было. Нарисованный там рыбный филин походил скорее на унылый мусорный бак, чем на развязного гоблина, которого мы только что видели, и никак не соответствовал моим представлениям о нем. И все же мне не пришлось слишком долго гадать, что за птицу я встретил: я успел снять несколько кадров».

МЭТЬЮ ДИНС, «ДРУГАЯ МАТЬ» («ПОЛЯНДРИЯ»)

Роман взросления подростка в непростых условиях (как будто бывают простые, когда тебе четырнадцать). Отец Майнла погиб, и мать вышла замуж снова. С отчимом отношения не ладятся, к тому же приходится заботиться о брате с сестрой. А еще у мальчика определенные ментальные проблемы, он проходит терапию, но на фоне переживаемого стресса ситуация не самая блестящая: Майнлу кажется, что его маму заменила ее точная копия — она выглядит абсолютно так же, но сын чувствует, что что-то не так. Проблема заключается в том, что мальчика совершенно не с кем обсудить ни свое состояние, ни свои подозрения (ну не со школьным же психологом, в самом деле!), поэтому он долго варит это в себе, пока не рассказывает обо всем соседке Саре. Именно она называет диагноз, определяющий поведение Майнла, — синдром Напгра: для него характерны мании преследования, ложные узнавания, поиски двойников. За несколько дней, описанных в романе, Майнл получает целый ряд важных уроков: перестает лгать себе, понимает, что люди разные, со своими проблемами и трудностями, а еще что каждый поступок имеет свои последствия. Мальчик практически, последовательно и болезненно учится эмпатии, умению услышать, понять и принять собеседника. Качество, доступное далено не всем взрослым.

«Я чувствую, что должен поцеловать Сару на прощание. Я мог бы сделать это. Мы стоим вдвоем у входной двери. Я мог бы наклониться и чмокнуть ее в щеку, а она не стала бы возражать.

Но, конечно, я этого не делаю. Просто благодарю за гостеприимство, прощаюсь и топая к себе.

Может, миссис Ньюфэнг и Люк справедливо считают меня чокнутым, но когда я веду себя как балбес, у меня все же хватает мозгов это понять».

СТЕФАНИ ВЕРНЕ, НАМИН ДЕ НЮССАН, «ЗА НУЛИСАМИ
КНИГОИЗДАНИЯ. БОЛЬШОЕ КНИЖНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ»
(«ГУДВИН»)

«За нулисами мироздания» — детский арт-проект здорового человека. Во-первых, он очень красивый, современный и в меру экспериментальный. Во-вторых, в нем содержится масса сведений, которые позволяют понять, как устроен издательский процесс и что происходит между этапом даже не принятия рукописи и публикацией, а зарождения идеи и собственно вышедшей книгой. Что такое псевдоним, как платят автору, что можно понять по рукописи, кто такой главный редактор и что такое пробная печать, как работает иллюстратор и чем он отличается от дизайнера, какова роль книжного торговца и литературного критика — это лишь несколько из поднимаемых в книге тем. То, что нужно для ранней профориентации: книжный мир на страницах этого издания предстает чем-то волшебным и удивительным. Ну а мы-то знаем, что так оно и есть.

«Что толку в книжке, если в ней нет ни картинок, ни разговоров?» — возмущается Алиса в начале приключений «Алисы в Стране чудес». И ее поймали на слове!

Первым шедевр Льюиса Кэрролла иллюстрирует карикатурист Джон Тенниел. Потом и другие художники привносят в книгу очень личные, яркие образы, например, «Алису» иллюстрируют испанский художник Сальвадор Дали, авангардистка Яеи Кусама, иллюстраторы Энтони Браун и Ребекка Дотриммер. Благодаря этим изданиям Алиса становится одним из самых популярных литературных персонажей!»